

Сун Яцы действительно не было никакой нужды скрывать что-либо от Чэнь Сюэданя.

Если прояснить всё заранее, обоим будет проще выполнять задания...

Сун Яцы мысленно повторил заготовленную реплику, которую учил так долго.

— Девушка весьма умна. Еще в Цинчжоу я быллы понаслышке знаком с именем юной госпожи, а теперь вижу, что слухи и правда не врут.

Я знаю, что вы волею судеб оказались в квартале красных фонарей, но я вовсе не гнушаюсь вас. Напротив, я преисполнен сочувствия к вам. Если вы не против, я готов выкупить ваш контракт.

Произнеся этот длинный и слащавый монолог и попытавшись вдобавок невзначай опустить руку на плечо собеседника, Сун Яцы счел свою актерскую игру безупречной.

Чэнь Сюэдань наверняка затаил на него смертную обиду.

Чэнь Сюэдань действительно затаил злобу на Сун Яцы, но ненавидел он вовсе не его слова и жесты, а самого себя.

Он ненавидел то сочувствие, что шевельнулось в его сердце в тот момент, когда он еще не знал истинного происхождения Сун Яцы.

Однако эта ненависть мгновенно испарилась, стоило ему заметить, как именно Сун Яцы держит руку на его плече.

Разве стал бы распутный гуляка, оставшись наедине с красавицей, о которой так долго тосковал, просто касаться плеча тыльной стороной ладони?

Но этот повеса Сун Яцы поступил именно так.

Несмотря на всю фриivolность жеста, в нем отчетливо проступала какая-то напускная, деревянная чопорность.

Сун Яцы продолжал изрыгать приторные клятвы в вечной любви.

Глядя на то, как шевелятся губы Сун Яцы, извергающие бесконечный поток слов, и на его руку, убрannую с собственного плеча, Чэнь Сюэдань вдруг понял, что, похоже, раскрыл тайну этого молодого господина...

Манера поведения Сун Яцы в роли легкомысленного повесы была далека от той естественности, с какой он играл роль, искусно скрывая свою истинную личность и манипулируя чужими сердцами.

У Сун Яцы пересохло в горле от болтовни, и он машинально потянулся за стоявшей на столе чайной чашкой, но Чэнь Сюэдань опередил его, перехватив посуду.

Когда Чэнь Сюэдань наливал чай, его руки казались выточенными из нефрита или искусно обтесанными изо льда — в них невозможно было найти изъяна ни в жилах, ни в костях, ни в коже.

Чэнь Сюэдань подвинул чашку ближе:

— Молодой господин Сун, то, что вы сказали... Сюэжун требуется время на раздумья.

Так называемые раздумья означали лишь одно: ожидание дальнейших приказаний.

А как только приказы поступят, настанет день гибели Сун Яцы.

Сун Яцы воспринял это вполне спокойно:

— Ладно, думай сколько потребуется.

По идее, будучи отъявленным повесой, Сун Яцы должен был прикоснуться к руке Чэнь Сюэданя под предлогом того, чтобы забрать чашку.

Но Сун Яцы, твердо уверенный, что успешно справился с заданием, не собирался выполнять лишнюю работу.

Он взял чашку, но сделал это подчеркнуто холодно и отстраненно.

Чэнь Сюэдань видел это несоответствие слов и поступков Сун Яцы, однако не стал ничего разоблачать.

Было бы взаимное удобство: Сун Яцы нужна репутация ветреника, а ему — собственная жизнь.

Сун Яцы заметил молчание Чэнь Сюэданя, но списал всё на его природную неразговорчивость.

Долгожданный чай наконец оказался у самых губ, однако не успел Сун Яцы сделать и глотка, как судно сильно качнуло.

Чай пролился на воротник одежды. Не тратя времени на то, чтобы привести себя в порядок, Сун Яцы крикнул Му Ли, которая стояла на носу и управлялась с шестом:

— Что происходит?

Му Ли указала на недалекий берег, где толпилось множество людей.

— Молодой господин, люди на берегу забросили кровать-якорь, он застрял в борту.

Сун Яцы ничего не оставалось, как снова выйти наперед и взглянуть в силуэты на берегу.

Эта толпа явилась явно не ради мести, иначе их лодка уже давно перевернулась бы.

У этого якоря была лишь одна цель — притащить их обратно...

Му Ли бросила взгляд на Сун Яцы и, убедившись, что на лице молодого господина нет никаких подозрительных следов, шумно выдохнула.

— Молодой господин, на берегу, должно быть, люди, которых прислал взрослый, чтобы вернуть вас домой...

Фигуру на берегу Сун Яцы, конечно же, ни за что не перепутал бы.

Кто это мог быть, если не Пэй Сыцзюэ, ученик, которого его отец приютил много лет назад?

Сун Яцы повернулся к Му Ли:

— Принеси стрелы, они мне понадобятся.

Му Ли заколебалась, но тут же другой человек извлек наружу лук и колчан со стрелами.

Это был Чэнь Сюэдань.

Этот холодный, как ледышка, человек на сей раз вдруг решил изобразить отзывчивость.

Он даже задал Сун Яцы лишний вопрос:

— Молодой господин Сун враждует с кем-то на берегу?

Сун Яцы поленился отвечать Чэнь Сюэданю — он не верил, будто тот не знает Пэй Сыцзюэ, чье влияние при дворе сейчас достигало зенита.

Мало того что эти двое были политическими противниками, так еще и соперниками в сердечных делах. И надо же было Чэнь Сюэданю притворяться, что он не знаком с Пэй Сыцзюэ...

Сун Яцы не собирался упрекать Чэнь Яньдана за то, что тот использовал его в своих целях, ведь разозлить Пэй Сыцзюэ входило и в его собственную задачу.

Завернутая в красную ткань стрела рассекла встречный ветер; казалось, люди на берегу что-то почуяли.

Тот человек отступил на пару шагов против ветра, однако мастерство стрельбы из лука у Сун Яцы было отнюдь не заурядным.

Стрела все же оставила яркий, кровавый росчерк на плече человека на берегу.

Лодка причалила. Сун Яцы в два-три прыжка соскочил на землю и замер в нескольких метрах от Пэй Сыцзюэ, глядя ему прямо в глаза.

Порыв резкого ветра взметнул серебристо-белую ленту в волосах Сун Яцы; развеваясь на лету, она придавала ему еще более легкий и утонченный вид.

Вместе с Пэй Сыцзюэ прибыли не только слуги семьи Сун, но и его сослуживцы по императорскому двору.

Они силой прервали сегодняшнее ночное веселье лишь для того, чтобы сопровождать Пэй Сыцзюэ в поисках Сун Яцы, который едва ступил на землю Шэньду, как тут же погрузился в пучину развлечений.

Они были наслышаны о дурной славе распутного молодого господина, но человек, представленный их взорам, превосходил любые ожидания...

В нем не было ничего общего с тем ветреником, о котором ходили слухи.

Стоило Сун Яцы появиться, как у окружающих даже пропало желание разглядывать стоящую позади него девицу...

Кто-то поинтересовался у Пэй Сыцзюэ:

— Это и есть единственный сын министра Суна?

Синие одежды Пэй Сыцзюэ были обгарены кровью, но лицо оставалось строгим и беспристрастным.

— Да, это Сун Яцы, ребенок моего наставника.

С этими словами Пэй Сыцзюэ перевел взгляд на Сун Яцы, неподвижно стоявшего у кромки воды.

— Яцы, наставник велел мне забрать тебя домой. Пойдем со мной.

Сун Яцы холодно усмехнулся, а затем произнес реплику из оригинального сюжета:

— Сун Юньшань велел — и ты прибежал? И впрямь не пес ли ты, прикормленный у его ног?

Дыхание окружающих на миг перехватило. Отчитать в лицо одновременно действующего главу кабинета министров и молодого министра — такой дерзостью обладал далеко не каждый...

Однако самое удивительное было впереди.

Сун Яцы слегка повел изящными бровями и, указав Пэй Сыцзюэ на сбитую им стрелу, произнес:

— Раз уж тебе так хочется побыть собакой, постарайся выслужиться еще немного. Пес Пэй, подбери мою стрелу.

Конечно, при дворе многие косо смотрели на Пэй Сыцзюэ, который, пользуясь покровительством главы кабинета, неизменно держался с видом благопристойного благородного мужа, и частенько намеками сравнивали его с цепным псом.

Но чтобы кто-то назвал его так прямо по имени, открыто оскорбив на глазах у изумленной толпы — такое сотворил один лишь Сун Яцы...

Присутствующие были готовы провалиться сквозь землю от страха, но в то же время не могли оторвать глаз от лица Сун Яцы...

Даже изваяние из глины пришло бы в ярость от подобных слов, однако Пэй Сыцзюэ лишь с совершенно невозмутимым видом поднял стрелу с земли.

Затем он сделал несколько шагов вперед и почтительно протянул стрелу Сун Яцы обеими

руками.

— Яцы, тебе пора возвращаться. Уже поздно, наставник рассердится.

Ночной мрак скрывал половину лица Пэй Сыцзюэ, и Сун Яцы видел лишь его опущенные ресницы, не в силах разобрать истинных чувств на дне глаз.

Не имело никакого значения, испытывал он ненависть или покорность — Сун Яцы нажил себе столько врагов, что Пэй Сыцзюэ был еще далеко не первым в очереди желающих убить его.

Сун Яцы не стал брать стрелу и лишь бросил:

— Му Ли, собери стрелы.

— Яцы...

Сун Яцы оборвал Пэй Сыцзюэ на полуслове:

— Не смей меня так называть. Где повозка?

— ...Впереди.

Сун Яцы продолжил отдавать приказы так, будто перед ним стоял обычный слуга:

— Мм, заодно отправь девушку Сюэжун домой.

— Хорошо.

Наблюдавший со стороны Чэнь Сюэдань отчетливо заметил, как у Пэй Сыцзюэ на руках вздулись вены от ярости.

Этот молодой господин Сун и впрямь удивительный человек.

<http://bllate.org/book/18795/1826371>